

Дмитрий Мамин-Сибиряк

Лес. Психологический этюд

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк

Лес. Психологический этюд

Серия «Уральские рассказы»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=327092

Аннотация

«Приезжая на лето в Журавлевский завод, я прежде всего отправлялся к дьячку Фомичу, который жил рядом со мною, – обыкновенный ход был огородами: перемахнешь через низенькое «прясло» – и сейчас на территории Фомича. Здесь прежде всего бросалась в глаза старая, покосившаяся баня, вся испятнанная пулями и дробью, точно оспой. Особенно пострадали банные двери с нарисованным на них черным пятном, тем более что в трудную минуту Фомич выковыривал засевшие в две-, рях пули и пускал их снова в дело. Нужно сказать, что эта злополучная баня стояла как раз на меже с нашим садом, и пули Фомича свободно могли летать в чужой огород, но на это последнее обстоятельство как-то никто не обращал никакого внимания, тем более что Фомич на весь завод пользовался репутацией хорошего стрелка...»

Содержание

I	4
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Дмитрий Наркисович Мамин-Сибиряк Лес. Психологический этюд

I

Приезжая на лето в Журавлевский завод, я прежде всего отправлялся к дядьку Фомичу, который жил рядом со мною, – обыкновенный ход был огородами: перемахнешь через низенькое «прясло» – и сейчас на территории Фомича. Здесь прежде всего бросалась в глаза старая, покосившаяся баня, вся испятнанная пулями и дробью, точно оспой. Особенно пострадали банные двери с нарисованным на них черным пятном, тем более что в трудную минуту Фомич выковыривал засевшие в дверях пули и пускал их снова в дело. Нужно сказать, что эта злополучная баня стояла как раз на меже с нашим садом, и пули Фомича свободно могли летать в чужой огород, но на это последнее обстоятельство как-то никто не обращал никакого внимания, тем более что Фомич на весь завод пользовался репутацией хорошего стрелка.

Избушка, в которой жил Фомич, стояла на высоком пригорке, так что своим огородом упиралась прямо в горную бойкую речку Журавлиху. Под крыльцом избы вечно выла

голодная собака, потому что Фомич имел очень оригинальный взгляд на питание.

– Чутье потеряет, – уверял он с самым серьезным видом. – От еды у собак нюх портится.

– Да ведь неприятно, когда у вас под самым ухом день и ночь воет голодная собака?..

– Известно: пес, ну и воет... Кормить его, так он еще пуще будет выть.

Меня всегда удивляла эта бессмысленная жестокость и какое-то полное бесчувствие. Часто по ночам вой голодной собаки будил соседей, и они бранили его, но из этого ничего не выходило: Фомич совсем не желал портить собачьего чутья. Конечно, при таком образе жизни собака издыхала через год, много через два – и Фомич заводил новую, причем кличка оставалась одна и та же: Лыско. Я помню целый ряд таких несчастных Лысок, которые надрывали мне душу своим воем. Единственное, что я мог сделать для них, – это потихоньку от Фомича кормить их. Здесь необходимо заметить еще то, что все эти Лыски принадлежали к замечательной породе вогульских собак, которые в Среднем Урале очень ценятся всеми «ясашными» (здесь так называют охотников, от «ясак» – подать мехами). Заводские мастера платят за хорошую собаку рублей пятнадцать – двадцать, что по местному денежному курсу очень дорого. По внешнему виду такая собака походит на эскимосскую: уши торчат пнем, острая морда, живые глаза, хвост загнут на спину кольцом, ши-

рокая грудь и тонкие, сильные ноги. Большинство таких вогулок пестрые, поэтому и распространенная кличка – Лыско. Особенно ценятся вогулки желтоватого цвета с желтыми пятнами на бровях или совсем серые, волчьего цвета.

– У которой пятно на брови – та и ночью видит, – уверял Фомич, а разубедить его в чем-нибудь было крайне трудно.

Такая вогулка действительно золотая собака для настоящего ясашиного – чутье у ней поразительное, особенно на зверя. В Среднем Урале эти собаки ведутся от чувовских вогул, которые живут еще и теперь в двух деревушках на реке Чусовой – Бабенки и Копчик. Сколько мне известно, образованные уральские охотники совсем не обращают внимания на эту замечательную собачью разновидность, которая погибает вместе с вымирающим вогульским племенем. Мне лично такие вогулки ужасно нравятся: они отличные сторожа, неутомимы на охоте за всяким зверем и чрезвычайно умны. Может быть, нужно было целую тысячу лет, чтобы создать этот тип охотничьей собаки.

Изба Фомича дощатой перегородкой делилась на две половины. В первой жил он сам, а во второй жена, которую он звал «матерёшкой», с единственной дочерью Енафой, курносой и рябой девушкой, «зачичеревевшей в девках». Комната Фомича выходила своим единственным окном, вечно заклеенным синей сахарной бумагой, в огород и на реку; из него открывался великолепный вид на извилистое течение Журавлихи, рассыпавшиеся по ее берегам дома, на лес и,

главное, на «камешки», как называл Фомич горы. Налево от двери на стене висел небольшой деревянный шкафчик, над ним кремневое ружье, у окна стоял некрашеный деревянный стол, около перегородки лавка, два колченогих стула – и только. Комната, собственно, была пуста, но она мне нравилась именно потому, что в ней жил Фомич. Эта бесприютная, непокрытая бедность выкупалась самим хозяином.

– Бувайте здоровеньки!.. – говорил Фомич, одинаково каждый раз здороваясь. Дома, зиму й лето, он ходил в коротенькой курточке из оленьей шкуры и в шапке из молодой оленины. Пестрядинные штаны были заправлены в голенища всегда худых сапогов. Этот странный наряд не казался странным для тех, кто знал Фомича. Нужно заметить, что по особенным гигиеническим соображениям он в своей оленьей шапке спал на печи зиму и лето. Когда я познакомился с ним, ему было уже за пятьдесят лет. Сгорбленный, худой, с неверной, шмыгавшей походкой, он превращался в типичного старозаветного дьячка, когда надевал единственный свой казинетовый подрясник, обвисавший на его сгорбленном теле некрасивыми, тощими складками; к довершению этого безобразия из-за высокого засаленного ворота подрясника появлялись на свет божий две жиденьких и коротких косички, болтавшиеся как два крысиных хвостика. В обыкновенное время эти косички исчезали под оленьей шапкой. Всего замечательнее у Фомича было его некрасивое скуластое лицо с носом луковицею. Жиденькая борода и такие же

усы какого-то песочного цвета не могли скрасить этого лица. Зато хороши были у Фомича его небольшие серые глаза с узкими зрачками. Он имел характерную привычку смотреть куда-нибудь в сторону и только время от времени взглядывал на вас быстрым, открытым, проницательным взглядом, как смотрят немножко тронутые русские люди.

Собственно, в Фомиче, как это нередко случается на Руси, жило два человека: один – приниженный, жалкий и льстивый, а другой – самостоятельный, гордый и оригинальный. Первого человека Фомич точно надевал на себя вместе с подрясником. Таким он был на клиросе, где читал «бормотком» и пел разбитым голосом вместе с писарем Павлином; таким он был, когда попадал куда-нибудь в компанию бойких заводских служащих, таким он ходил по заводу за попом с разными требованиями, таким, наконец, он пробирался каждое воскресенье прямо из церкви в кабак к своей приятельнице Зайчихе «подковать безногого щенка». Длинные руки, видимо, мешали Фомичу, и он постоянно ими запахивал расползавшиеся полы своего подрясника. Даже ходил он как-то крадучись и все старался пробраться где-нибудь огородами, чтобы не на виду у добрых людей; в разговоре улыбался заискивающей улыбкой и вообще держал себя льстиво-униженно.

Дома Фомич был другим человеком. Я много лет знал его и все-таки с удивлением наблюдал это превращение, – решительно другой человек. Впрочем, из своего приниженного состояния Фомич выходил и при людях, когда выпи-

вал лишнюю рюмочку или когда разговор заходил об охоте. Охотничьи рассказы Фомича пользовались большой популярностью, и гденибудь на именинах около него всегда собирался кружок слушателей. Любимой темой были «олешки» и «мишка», причем Фомич умел представить все в лицах: нюхал воздух, как зверь, таращил глаза и делал уморительные прыжки в своем странном подряснике. Но в гостях Фомич пересаливал и дома был не тем, чем казался посторонним людям. Во-первых, это был замечательный оригинал и чрезвычайно наблюдательный человек, которого никогда не оставляло неизменное добродушномористическое настроение. Ко всем и ко всему Фомич относился свысока, но эту гордость он позволял себе только дома.

Он умел над всеми посмеяться умненько и тонко, иногда одной гримасой. Чужие слабости и особенно глупость доставляли ему даже какое-то удовольствие, и он имел некоторое право смотреть на многих свысока, потому что обладал сильным природным умом, которого не могло сломить даже дьячковское существование, несчастнейшее из всех, изобретенных добрыми людьми.

К своим семейным Фомич относился тоже особенным образом, точно стыдился своей человеческой слабости. Его «матерёшка» никогда не показывалась при людях из-за перегородки, и только слышно было, как она чем-то вечно стучала за печкой. К женщинам Фомич питал чисто философское презрение, как к предмету недостойному, притом очень

вредному и даже опасному. Когда писарь Павлин заводил речь о «женском поле», Фомич только фукал носом, как рассерженный старый кот, и отплеывался. Рассказывали, что он не доверял жене ни в чем и даже хлеб пек собственными руками.

Во всем доме Фомича была единственная сколько-нибудь ценная вещь – это кремневая малокалиберная винтовка, служившая ему более тридцати лет. Тяжелая березовая ложа была собственного изделия Фомича и отличалась хозяйственной прочностью. Замечательнее всего то, что Фомич из этой винтовки стрелял и зверя, и птицу, и белку.

– Откуда у вас это ружье? – несколько раз спрашивал я старика, рассматривая его самопал.

– Так... от одного человека.

К числу особенностей Фомича принадлежала необыкновенная таинственность, особенно когда дело касалось охоты. На свое ружье он смотрел как на что-то живое и, когда делал из него промах, обвинял не себя, а то, что «дурит» ружье. Больше всего на свете Фомич боялся, как бы к его сокровищу не прикоснулась какая-нибудь женщина: тогда бросай все и заводи новое.

– Я из него не один десяток олешек загубил, – любил похвастаться Фомич под пьяную руку. – Оно хозяина знает... да!

Трофеи охотничьих побед Фомича заключались в оленьих шкурах, которые служили всей семье как ковры и оде-

яла. Выделывал их Фомич сам, равно как и беличьи и курьи шкурки, хотя, нужно отдать ему полную справедливость, выделывал очень скверно. Впрочем, для своего домашнего обихода Фомич все делал сам: и ложу к ружью, и лыжи, и лядунку¹ для пороха, и памятный мне деревянный шкаф с охотничьим снарядам, и мебель, и мережи, и свою оленью куртку. В лесу у него всегда было надрано лыко и заготовлены дрова. Только при таком самоделье Фомич и мог сводить концы с концами, потому что прожить на три рубля причетничьего жалованья, с семьей на руках, дело решительно невозможное. Посторонних церковных доходов Фомич получал такую гомеопатическую дозу, о которой не стоит и говорить. Журавлевский завод наполовину состоял из раскольников, и приход был очень плох. Несколько раз Фомичу предлагали занять место дьякона, но он упорно отказывался.

– Отчего вы не хотите в самом деле быть дьяконом? – спрашивал я. – Дьякон вдвое больше получает.

– А «матерёшка» умрет?.. Дьякону во второй раз жениться нельзя...

Это была, конечно, шутка. Фомич не шел во дьяконы по той простой причине, что тогда потерял бы право ходить на охоту, другими словами – его жизнь утратила бы всякий смысл, а теперь получалось из Лыски, Енафы, матерёшки и самого Фомича вполне законченное, органическое целое.

¹ Лядунка – сумка для патронов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.